

В. В. Розанов

А П О К А Л И П С И С

НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Сергиев Посад

1917 - 1918

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 1.

Ивану Алексеевичу
Толстому, от издателя
В. Розановъ.

Цена 35 коп.

"Слово — право" издатель
В. Розановъ.

Апокалипсисъ

нашего времени.

1. Разсыпанное царство.
2. Какъ мы умираемъ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1917.

Къ читателю.

Мною съ 15-го ноября будутъ печататься двухъ недѣльные или ежемѣсячные выпуски подъ общимъ заголовкомъ: „Апокалипсисъ нашего времени“. Заглавіе не требующее объясненій, въ виду событій, носящихъ не мнимо апокалипсическій характеръ, но дѣйствительно апокалипсическій характеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что глубокой фундаментъ всего теперь происходящаго, заключается въ томъ, что въ европейскомъ (всемъ,—и въ томъ числѣ русскомъ) человѣчествѣ образовались колоссальныя пустоты отъ былого христіанства; и въ эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословія, трудъ, богатства. Все потрясено, всё потрясены. Всё гибнуть, все гибнетъ. Но все это проваливается въ пустоту души, которая лишилась древняго содержанія.

Выпуски будутъ выходить маленькими книжками.

Складъ въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова, Сергіевъ Посадъ, Московск. губ.

Разсыпное царство.

Филаретъ Святитель Московскій былъ послѣдній (не единственный-ли?) великій іерархъ Церкви Русской... „Быль крестный ходъ въ Москвѣ. И вотъ всѣ прошли,—архіереи, митрофорные іереи, купцы, народъ; пронесли иконы, пронесли кресты, пронесли хоругви. Все кончилось, почти... И вотъ поодаль отъ послѣдняго народа шель онъ. Это былъ Филаретъ“.

Такъ рассказывалъ мнѣ одинъ старый чело­вѣкъ. И прибавилъ, указывая отъ полу—на крошечный ростъ Филарета:

— „И я всѣхъ забылъ, все забылъ: и какъ вижу сейчасъ—только его одного“.

Какъ и я „все забылъ“ въ Московскомъ университетѣ. Но помню его глубокомысленную подпись подъ своимъ партретомъ въ актовой залѣ.

Слова, выговоры его были разительны. Словъ мудры (императору, властямъ). И весь онъ былъ великолѣпный.

Единственный...

Но что-же „опрежь того“ и „потомъ“?—неза-

мѣтное, дробн. „Мы ихъ видѣли“ (отчасти). Nota bene. Всѣ сколько-нибудь выдающіеся были уже съ „ересью потаенною“. Незамѣтно, безмолвно, но съ ересью. Тогда—какъ Филаретъ былъ „во всемъ правъ“.

Онъ даже Синодъ читилъ. Былъ „сознательный синодаль“. И Николая Павловича читилъ—хотя отъ него-же былъ „уволенъ въ отпускъ отъ Синода и не появлялся никогда тамъ“¹⁾. Тутъ—не въ церкви, но въ императорствѣ—уже совершился или совершался переломъ, надломъ. Какъ было великому Государю, и столь консервативному, не содѣлать себѣ близкимъ совѣтникомъ величайшій и тоже консервативный умъ перваго церковнаго свѣтила за всю судьбу Русской Церкви?

Разошлись по мелочамъ. Правъ этотъ бѣсъ Гоголь.

Между тѣмъ Пушкинъ, Жуковский, Лермонтовъ, Гоголь, Филаретъ—какое осіяніе Царства. Но Николай хотѣлъ одинъ сіять „со своимъ другомъ Вильгельмомъ-Фридрихомъ“

¹⁾ Столкновение съ оберъ-прокуроромъ, генераломъ Протасовымъ. „Шпоры генерала цѣпляются за мою мантію“ выразился Филаретъ заочно. Это было донесено Государю.

которымъ-то. Это былъ плоскій баранъ, запутавшійся въ терновникъ, и уже приуточенный къ закланію (династія).

И вотъ рушилось все, разомъ, царство и церковь. Попамъ лишь непонятно, что церковь разбилась еще ужаснѣе, чѣмъ царство. Царь выше духовенства. Онъ не ломался, не лгаль. Но видя, что народъ и солдатчина такъ ужасно отреклись отъ него, такъ предали (ради гнусной распутинской исторіи), и тоже—дворянство (Родзянко), какъ и всегда фальшивое „представительство“, и тоже—и „господа куницы“,—написалъ просто, что въ сущности онъ отрекается отъ такого подлаго народа. И сталъ (въ Царскомъ) колоть ледъ. Это разумно, прекрасно и полномочно.

„Я человекъ хотя и маленькій, но у меня тоже 32 ребра“ („Дѣтскій міръ“).

Но Церковь? Этого-то Андрей Уфимскій? Да и всѣ. Раньше ихъ было „32 іерея“ съ желаніемъ „свободной церкви“ „на канонахъ поставленной“. Но теперь всѣ 33333.... 2...2...2...2 іерея и подь-іерея и сверхъ-іерея подскочили подь-соціалиста, подь-жида и не подь-жида¹⁾);

¹⁾ Пишу безъ порицанія и проіиц, а лишь въ томъ отгъненіи, что для духовенства и въ его словооборо-

и стали вопиать, глаголати и сочинять, что „церковь Христова и всегда была въ сущности социалистической“, и что особенно она ужь никогда не была монархической, а вотъ только Петръ Великій „принудилъ насъ лгать“.

Русь сдвинула въ два дня. Самое большее—въ три. Даже „Новое Время“ нельзя было закрыть такъ скоро, какъ закрылась Русь. Поразительно, что она разомъ разсыпалась вся, до подробностей, до частныхъ. И, собственно, подобнаго потрясенія никогда не бывало, не включая „Великаго переселенія народовъ“. Тамъ была—эпоха, „два или три вѣка“. Здѣсь—три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочаго класса. Что-же осталось-то? Страннымъ образомъ—буквально ничего.

Остался подлый народъ, изъ коихъ вотъ одинъ, старикъ лѣтъ 60-ти, „и такой серьезный“, Новгородской губерніи, выразился: „изъ

такъ они всегда были въ уничижительно-презрѣнномъ смыслѣ „жидами“. Но дѣло поворачивается къ Апокалипсису, съ его „гъбеню Моисея, раба Божія“, и объ нихъ еще долгіе сказы,—какъ оказывается—болѣе долгіе, чѣмъ о нашей несчастной Руси.

бывшаго цзя надо бы кожу по одному ремню тянуть“. Т. е. не сразу сорвать кожу какъ индйцы скальпель, но надо по-русски вырывать изъ его кожи ленточка за ленточкой.

И что ему царь едѣлалъ, этому „серьезному мужичку“ ¹⁾.

Вотъ и Достоевскій...

Вотъ тебѣ и Толстой, и Алшатычъ, и „Война и Миръ“.

Что-же въ сущности произошло? Мы все шалили. Мы шалили подъ солнцемъ и на землѣ, не думая, что солнце видитъ и земля слушаетъ. Серьезень никто не былъ, и, въ сущности, цари были серьезнѣе всѣхъ, такъ-какъ даже Павелъ, при его способностяхъ, еще „трудился“ и былъ рыцарь. И, какъ это нерѣдко случается,—„жертвою палъ невинный“. Вѣчная исторія и все сводится къ Израилю и его тайнамъ. Но оставимъ Израиля, сегодня дѣло до Руси. Мы въ сущности играли въ литературѣ. „Такъ хорошо написали“. И все дѣло было въ томъ, что „хоро-

---

¹⁾ Рассказъ мнѣ въ мѣстечкѣ Суда (станція Николаевской ж. д.), Новгородской губ., г-жи Неленной, жены управляющаго хозяйственною частью „Нов. Времени“.

ше написать", а что „написалъ“—до этого никому дѣла не было. По *содержанію* литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость безстыдства и наглости,—какъ ни единая литература. Въ *большомъ Царствѣ*, съ большою силою, при народѣ трудолюбивомъ, смысленномъ, покорномъ,—что она сдѣлала? Она не выучила и не внушила выучить — чтобы этотъ народъ хотя научили гвоздь выковывать, серпъ исполнить, косу для косьбы сдѣлать („вывозимъ косы изъ Австрій“, — географія). Народъ росъ совершенно первобытно съ Петра Великаго, а литература занималась только, „какъ они любили“ и „о чемъ разговаривали“. И всѣ „разговаривали“ и только „разговаривали“, и только „любили“ и еще „любили“.

Никто не занялся тѣмъ (и я не читалъ въ журналахъ ни одной статьи—и въ газетахъ тоже ни одной статьи), что въ Россіи нѣтъ ни одного аптекарскаго магазина, т. е. сдѣланнаго и торгуемаго русскимъ человѣкомъ,— что мы не умѣемъ изъ морскихъ травъ извлекать іоду, а горчишники у насъ „французскіе“, потому что русскіе все-человѣки не умѣютъ даже намазать горчицы разведен-

ной на бумагу съ закрѣпленіемъ ея „крѣпости“, „духа“. Что же мы умѣемъ? А вотъ, видите ли, мы умѣемъ „любить“ какъ Вронскій Анну и Литвиновъ Ирину и Лежневъ Лизу и Обломовъ Ольгу. Боже, но любить нужно въ семьѣ; но въ семьѣ мы кажется не особенно любили, и, пожалуй, тутъ тоже вмѣшался чертовъ бракоразводной процессъ („люби по долгу, а не по любви“). И вотъ церковь-то первая и развалилась, и, ей-ей, это кстати и „по закону“...

Какъ мы умираемъ?

Ну, что-же: пришла смерть и значитъ пришло время смерти.

Смерть, могила для $\frac{1}{6}$ части земной суши. „Простое этнографическое существованіе для былого Русскаго Царства и имперіи“, о которомъ уже поговариваютъ, читаютъ лекціи, о которомъ могутъ думать, съ которымъ въ сущности мирятся. Какіе-то „полабскіе славяне“, въ которыхъ преобразуется *былая Русь*.

„*Былая Русь*“... Какъ это выговорить? А уже выговаривается.

Печаль не въ смерти. „Человѣкъ умираетъ не когда онъ созрѣлъ, а когда онъ доспѣлъ“. Т. е. когда жизненные соки его пришли къ состоянію, при которомъ смерть становится необходима и неизбежна.

Если нѣтъ смерти человѣка „безъ воли Божіей“, то какъ мы могли-бы допустить, могли-бы подумать, что можетъ настать смерть народная, царственная „безъ воли Божіей“? И въ этомъ весь вопросъ. Значить, Богъ не захотѣлъ болѣе быть Руси. Онъ гонитъ ее изъ подъ солища. „Уйдите, ненужные люди“.

Почему мы „ненужные“?

Да ужъ давно мы писали въ „золотой своей литературѣ“: „Дневникъ лишняго человѣка“, „Записки ненужнаго человѣка“. Тоже—„празднаго человѣка“. Вы думали „подполья“ всякія... Мы какъ-то прятались отъ свѣта солнечнаго, точно стыдись за себя.

Человѣкъ, который стыдится себя?—развѣ отъ него не застыдится солнце? Солнышко и человѣкъ—въ связи.

Значить, мы „не нужны“ въ подсолнечной и уходимъ въ какую-то ночь. Ночь. Небытіе. Могилы.

Мы умираемъ какъ фанфароны, какъ актеры.

„Ни креста, ни молитвы“. Ужъ если при смерти чьей нѣтъ креста и молитвы—то это у русскихъ. И странно. Всю жизнь крестился, богомолчился: вдругъ смерть—и мы сбросили крестъ. „Просто, какъ православнымъ человѣкомъ русскій никогда не жила“. Переходъ въ социализмъ и значить въ полный атеизмъ совершился у мужиковъ, у солдатъ до того легко, точно „въ баню сходили и окатились новой водой“. Это—совершенно точно, это дѣйствительность, а не дикій кошмаръ.

Собственно, отчего мы умираемъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—какъ выразить въ одномъ словѣ, собрать въ одну точку? Мы умираемъ отъ единственной и основательной причины: *неуваженія себя*. Мы собственно самоубиваемся. Не столько „солнышко насъ гонить“, сколько мы сами гонимъ себя. „Уйди ты, чертъ“.

Нигилизмъ... Это и есть нигилизмъ,—имя, которымъ давно окрестилъ себя русскій человѣкъ, или, вѣрнѣе—имя, въ которое онъ раскрестился.

—Ты кто? блуждающій въ подсолнечной?

—Я нигилистъ.

—Я только *думалъ* видѣ, что молился.

—Я только дѣлалъ видъ, что *живу въ царствѣ*.

—На самомъ дѣлѣ—я самъ себѣ свой человекъ.

—Я рабочій трубочнаго завода, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ.

—Мнѣ-бы поменьше работать.

—Мнѣ-бы побольше гулять.

—А мнѣ-бы не воевать.

И солдатъ бросаетъ ружье. Рабочій уходитъ отъ станка.

—Земля—она должна сама родить.

И уходитъ отъ земли.

—Извѣстно, земля Божія. Она всѣмъ по ровну.

Да, но не Божій ты человекъ. И земля, на которую ты надѣешься, ничего тебѣ не дастъ. И за то, что она не дастъ тебѣ, ты обагришь ее кровью.

Земля есть Каинова и земля есть Авелева. И твоя, русскій, земля есть Каинова. Ты проклялъ свою землю и земля прокляла тебя. Вотъ нигилизмъ и его формула.

И солнышко не свѣтитъ на чернаго человека. Черный человекъ ему не нуженъ.

Замѣчательно, что мы уходимъ въ землю упоенные. Мы начинали войну самоупоенные:

помните, этотъ августъ мѣсяць, и встрѣчу Царя съ народомъ, гдѣ было все притворно? И побѣды,—гдѣ самая замѣчательная была побѣда казака Крюкова, по обыкновенію отрубившаго семь головъ у нѣмцевъ. И это Меншиковское храброе—„Должны побѣдить“. И Долиной—побѣдные концерты, въ циркѣ Чиниземли и потомъ въ Царскомъ. Да почему „должны побѣдить?“ Побѣда создается не на войнѣ, а въ мирное время. А мы въ мирное время ничего не дѣлали, и ужъ если что мы знали хорошо, то это—то, что равно ничего не дѣлаемъ. Но дальше—еще лучше. Ужъ если чѣмъ мы упились восторженно, то это—революціей. „Полное исполненіе желаній“. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ мы не сыты. „Ужъ самъ жаждущій когда утолился, и голодный—насытился, то это въ революцію“. И вотъ еще не износишь революціонеръ первыхъ сапоговъ—какъ трупомъ валится въ могилу. Не актеръ-ли? Не фанфронъ-ли? И гдѣ-же наши молитвы? и гдѣ-же наши кресты? „Ни одинъ попъ не отпѣлъ-бы такого покойника“.

Это колдунъ, оборотень, а не живой. Въ немъ живой души нѣтъ и не было.

—Нигилистъ.

О нигилистахъ панхиждь не правятъ. Ограничиваются: „ну его къ черту“.

Окаянна была жизнь его, окаянна и смерть.

1/6 часть суши. Упоенная революція, какъ упоенна была и война. „Мы побѣдимъ“. О, непременно. Такъ не есть-ли это страшный фактъ, что 1/6 часть суши какъ-то все пропращала изъ себя „волчцы и тернии“, пока солнышко не сказало: „миѣ не надо тебя“. „Миѣ надоѣло свѣтить на пустую землю“.

Нигилизмъ.—„Что-же растеть изъ тебя“?

—Ничего.

Надъ „ничего“ и толковатя нѣ о чемъ.

—Мы не уважали себя. Суть Руси, что она не уважаетъ себя.

Это понятно. Можно уважать трудъ и потъ, а мы не потѣли и не трудились. И то, что мы не трудились и не потѣли, и есть источникъ, что земля сбросила насъ съ себя, планета сбросила.

По заслугамъ-ли?

Слишкомъ.

Какъ 1.000 лѣтъ существовать, прожить княжества, прожить царство, имперію, со всѣми придти въ связь, надѣть плюмажи, шля-

пу, сдѣлать богомольный видъ: выручатся, сояственно — выручать самого себя „инглистомъ“ (потому-что по нормальному это вѣдь есть ругательство) и умереть.

Россія похожа на ложнаго генерала, надъ которымъ какой-то ложный поэтъ панихиду. „На самомъ-же дѣлѣ это былъ бѣглый актеръ изъ провинціального театра“

Самое разительное и показующее все дѣло, всю суть его, самую сутеньку—заключается въ томъ, что „ничего въ сущности не произошло“. „Но все—разсыпалось“. Что такое совершилось для паденія Царства? Буквально, —оно пало въ буддень. Шла какая-то „середа“, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ. Ни—воскресея, ни—субботы, ни хотя-бы мусульманской пятницы. Буквально, Богъ плюнулъ и задулъ свѣчку. Не хватало провизии и около лавочекъ образовались хвосты. Да была оппозиція. Да царь скапризничалъ. Но когда же на Руси „хватало“ чего-нибудь безъ труда еврея и безъ труда нѣмца? когда-же у насъ не было оппозицій? и когда царь не капризничалъ. О, тоскливая пятница или понедѣльникъ, вторникъ...

Можно-же умереть такъ тоскливо, вопиюще, скверно.—„Актёръ, ты-бы хоть яесть какой стѣлать. Вѣдь ты всегда былъ „съ готовностью на Гамлета. „Помнишь свои фразы. А то даже Леонидъ Андреевъ, ничего не выплюнуть. Полная проза“.

Да, ужъ если что „скучное дѣло“, то это— „паденіе Руен“.

Задудло свѣчку. Да это и не Богъ, а... шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глухо. Мерзко. „Ты намъ трагедіи не играй, а подавай водевиля“.

